

МОДЕЛЬ «РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ - 2020» СОЗДАЕТСЯ В ИНТЕРЕСАХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ

О том, каким образом организована разработка модели «Российское образование — 2020», каковы ее основные принципы и ключевые проблемы рассказывает директор Департамента государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере образования Минобрнауки России Игорь РЕМОРЕНКО.

— Игорь Михайлович, как возникла идея создания модели образования? Ведь раньше разрабатывались доктрины, концепции, приоритетные направления развития системы образования, другие основополагающие документы. Модель — это что-то новое.

— Идея создания модели «Российское образование — 2020» впервые прозвучала 13 сентября 2007 года на Совете по реализации приоритетных национальных проектов в Белгороде. Тогда руководители нескольких думских фракций, нынешний Президент Российской Федерации и премьер-министр высказали ключевые позиции в отношении будущего российского образования. Начиная от финансово-экономических механизмов и заканчивая глубинными ценностными характеристиками. В качестве примера могу сказать, что, с одной стороны, речь шла о необходимости распространения принципов подшевного финансирования, развития самостоятельного хозяйствования образовательных учреждений. С другой — были затронуты сложнейшие вопросы возможности выбора человеком образовательных

программ и ответственности за этот выбор. В связи с этим говорилось о недопустимости возвращения к схеме централизованного распределения выпускников вузов.

Речь шла о том, что в рамках развития национального проекта «Образование» важно поддержать наметившиеся позитивные тенденции и с учетом этого подготовить общую модель модернизации образования, которая могла бы задать облик образования, стать основой развития образования на ближайшие десятилетия.

С тех пор в системе образования в различных кругах ведутся бурные дискуссии об основных элементах модели образования. И уже в декабре прошлого года на заседании Межведомственной рабочей группы по реализации приоритетного национального проекта «Образование» прозвучал первый доклад по ключевым компонентам модели образования.

После этого работа над моделью была продолжена в рамках ряда иных поручений по стратегиям долгосрочного развития Российской Федерации. Сейчас текст модели разослан в субъекты Российской Федерации. Его можно также найти в разделе «Актуальные документы» на сайте Минобрнауки России.

— В чем новизна подхода, который используется при проектировании модели «Российское образование — 2020», его отличие от тех подходов, которые использовались ранее при разработке проектов модернизации образования?

— Безусловно, некоторые конкретные меры, предложенные в модели, могут интерпретироваться как продолжение реформ, начатых ра-

нее. Мы вводили подушевое финансирование и новую систему оплаты труда в школьном образовании, теперь будем вводить в дошкольном. Занимались развитием сети учреждений общего образования, а теперь особое внимание уделяется развитию сети учреждений профессионального образования (и начального, и среднего, и высшего). На первый взгляд может показаться, что модель продолжает некую экспансию уже известных идей и методов.

Вместе с тем есть три принципиальных момента, отличающие модель от предшествующих подходов в определении направлений развития образования.

Во-первых, выбрана несколько иная целевая аудитория, в отношении которой ведется проектирование. При подготовке предшествующих документов, в частности — Концепции модернизации российского образования до 2010 года, целевой аудиторией были прежде всего сами работники системы образования. Например, новую структуру сети образовательных учреждений проектировали прежде всего исходя из наличия в системе образования кадровых, методических, управленческих ресурсов, их рационального распределения. Конечно, этот аспект и сегодня остается в поле нашего внимания, но проектирование ведется исходя из интересов потребителя образовательных услуг — человека с его образовательными потребностями, в течение всей жизни повышающего свой образовательный потенциал. Мы предлагаем строить сферу образования так, чтобы ни одна образовательная траектория не стала тупиковой. Как нельзя раз и навсегда чему-то научиться, также нельзя лишать человека возможности переобучения, изменения своего образовательного уровня в зависимости от интересов и жизненных обстоятельств. Система образования должна быть устроена так, чтобы человек в любой момент мог обновить свои знания, «взять» тот или иной модуль, повысить квалификацию или пройти переподготовку.

Во-вторых, нашими союзниками стали общественные институты. Давайте вспомним ситуацию четырехлетней давности. Мы ведь даже предположить не могли, что кто-то разрабатывает профессиональные стандарты, что какие-то работодатели участвуют в экспертизе образовательных стандартов, что между профессиональными и образовательными стандартами существуют механизмы их сопоставления. Теперь это обычная практика. Появились рейтинговые агентства, которые при оценке учебных заведений учитывают не только количество профессоров и книг в библиотеке, но и, что гораздо важнее, показатели трудоустройства выпускников и востребованности образовательных программ работодателями. В регионах активизировались общественные структуры, которые привлекались для отбора инновационных школ и лучших учителей в рамках приоритетного национального проекта «Образование». Мы создали нормы обратной связи образования и общества. По крайней мере, процесс налаживания взаимодействия общественных институтов и сферы образования теперь можно назвать необратимым.

И, наконец, *третье*. Изменился управленческий подход к реализации задуманного. Ранее мы проектировали из соображений как бы нам всех «уговорить сделать так правильно и красиво, как мы придумали».

Иногда своего рода маниловщина, вызванная, впрочем, вполне объективными причинами тотальной неясности с перспективами бюджетного финансирования. Сегодня ситуация иная. Мы можем считать и обосновывать, сколько и на какие изменения потребуется ресурсов. В случае завышенных ресурсных требований мы можем отказаться от изменений, нежели чем что-то делать некачественно и не в полной мере. Следствием этого является обновление управленческого корпуса системы образования. Приходят люди, которые не лучше и не хуже тех, кто работал ранее, они просто иные, настроенные на решение иного круга задач.

— Какие еще документы, помимо проекта, разработанного при участии экспертов из Высшей школы экономики, и проекта, рекомендованного министерством для обсуждения на августовских совещаниях, появились в рамках работы над моделью?

— После декабрьского заседания Межведомственной рабочей группы над моделью работают разные экспертные коллективы. К группе, которую представляли консультанты из Высшей школы экономики, присоединились эксперты Московской школы управления «Сколково». При участии экспертов из Московского института стали и сплавов разрабатываются предложения, касающиеся технологического образования и прикладного бакалавриата. По поводу комплексной модернизации общего образования представлены разработки Института проблем образовательной политики «Эврика». Ряд аналитических материалов готовит Федеральный институт развития образования. Есть предложения Российского союза промышленников и предпринимателей, Национального фонда подготовки кадров. Помимо этого, мы с вниманием относимся к экспертным суждениям исследователей и консультантов Академии народного хозяйства, Российской академии образования, Московского государственного университета, Санкт-Петербургского государственного университета, Южного и Сибирского федеральных университетов, сети вузов, реализующих инновационные образовательные программы, объединений учреждений начального и среднего профессионального образования, ряда организаций субъектов Российской Федерации, иных общественных объединений и организаций.

На основе материалов по современной модели подготовлены предложения в проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития России в части образования, а также проект соответствующей государственной программы на 2009—2012 годы.

— Вы тоже были в числе участников круглого стола по обсуждению «Модели образования — 2020», который организовала Высшая школа экономики. Означает ли это, что министерство считает представленный на этом мероприятии проект наиболее успешным?

— Я бы не стал так утверждать. Это было приглашение к обсуждению, а не констатация факта по принятию какой-то жесткой системы мер. Департамент старается работать с различными экспертными груп-

пами, и группа Высшей школы экономики — одна из них. Как представитель министерства я взаимодействовал и с этой группой, и со всеми названными мной коллективами. На сегодня сформировалась сетевая экспертная структура, в которой в пределах общих рамок по-разному размышляют о том, каким должно быть российское образование в 2020 году, что необходимо обновить в общей логике социально-экономического развития России.

— **Список решаемых проблем в том виде, в каком он сейчас представлен в тексте модели, является исчерпывающим?**

— Нет, конечно. Например, в модели слабо отражены сюжеты, связанные с демографией. Необходимо более подробно проработать вопрос о том, как система образования собирается реагировать на наблюдающийся бум рождаемости. Какие новые институты — клубы поддержки образования детей до трех лет, соответствующие группы при дошкольных учреждениях и проч. — должны быть созданы.

Или, например, следует более жестко обозначить ключевые характеристики и отличия разных типов университетов. Показать, что федеральные университеты будут решать задачи комплексного социально-экономического развития крупных территорий, а исследовательские университеты должны ориентироваться на нужды прорывного технологического развития. В связи с этим еще предстоит уточнить направленность и логику ресурсного обеспечения мероприятий модели.

В то же время полагаю, что структура модели адекватно отражает существующее проблемное поле системы образования. Я имею в виду четыре базовых направления, внутри которых строятся те или иные виды работ. Первое направление можно назвать «социализация» — обеспечение системой образования тех социальных отношений, без которых невозможно ни производство материальных благ, ни какое-либо иное взаимодействие. По сути дела — обеспечение нормальных отношений внутри институтов гражданского общества. Это касается как вопросов воспитания, так и обеспечения доступности образования.

Второе направление — становление системы образования как института, обеспечивающего инновационное развитие экономики. Внутри этого направления предстоит добиться того, чтобы уже традиционно существующие уровни образования могли формировать у граждан компетентности, позволяющие им ориентироваться в сложно структурированном информационном обществе. Имеется в виду прежде всего формирование творческих способностей, умений решать проблемы, навыков участия в сложно организованной проектной работе, способностей ориентироваться в условиях быстрой смены технологий. Все эти компетентности с различной степенью детализации и конкретности должны формироваться уже на базовых уровнях образования.

Третье направление — непрерывное образование. О нем мы уже много говорили, но здесь стоит подчеркнуть, что мы хотим предложить реальную систему мер, позволяющую обеспечить гражданам возможность учиться и переучиваться в течение всей жизни, осваивая те образовательные модули, которые им необхо-

димы в определенный момент их профессиональной карьеры. Это также касается не только граждан России, но и мигрантов, приезжающих в нашу страну трудиться. Мы должны помочь им встроиться в наш рынок труда, работая по современным высокотехнологичным стандартам.

И, наконец, четвертое направление, являющееся своего рода гарантией реализуемости указанных выше трех направлений работы, — создание механизмов обратной связи образования и общества. По сути дела — система внешней оценки образовательной действительности. Это общественные рейтинги, общественная аккредитация образовательных программ, обязательное информирование общества о деятельности образовательных учреждений. Одним словом, все то, что дает системе образования основания полагать, в том ли направлении мы движемся, корректируя свои действия по ходу реализации модели до 2020 года.

Конкретные действия и механизмы внутри этих направлений (а сейчас их около 60) еще предстоит осмыслить в серии конференций, совещаний и семинаров. У меня, например, не проходит недели, чтобы где-то не обсуждалась модель образования. Речь идет не только о ведомственном обсуждении на уровне Министерства экономического развития или Минфина России. Приходится бывать и в образовательных учреждениях, и в Общественной палате, и в Государственной Думе, и в других организациях.

— **На круглом столе авторам проекта модели пришлось выслушать ряд критических замечаний. Помните, одна из главных претензий состояла в том, что авторы, дескать, предлагают ликвидировать систему начального и среднего профессионального образования (НПО и СПО) и передать все техникумы в ведение вузов. И хотя, завершая обсуждение, Ярослав Кузьминов попытался доказать, что никто не собирается этого делать, в течение последних трех месяцев я слышал сразу от нескольких вполне авторитетных коллег, что именно в этом и будет заключаться новая реформа образования.**

— Обсуждение в Высшей школе экономики по вполне объективным причинам было довольно сложным, поскольку была сделана попытка охватить сразу все проблемное поле. И то, что в ходе обсуждения более подробно остановились на начальном и среднем профессиональном образовании, — свидетельство того, что общие принципы, идеи и приоритеты дискутантов вполне разделяются. Дальнейшие обсуждения мы уже строим, останавливаясь либо на тех или иных направлениях работ в системе образования — непрерывное образование, например, либо на конкретных уровнях и механизмах (модернизация высшей школы или логика конкурсной поддержки талантливой молодежи, в частности).

Такие обсуждения также получают весьма острыми и интересными. Например, в Общественной палате встал вопрос о необходимости поддержки инклюзивного образования, позволяющего в практике работы обычных образовательных учреждений обеспечить возможность учиться детям с особыми нуждами. Оказывается, далеко не все разделяют эту, казалось бы,

гуманистическую и очень своевременную идею. Тут еще предстоит продумать, какие механизмы нужны, чтобы, не насаждая насильственно инклюзивное образование, у ребят, имеющих некоторые особенности в развитии, была возможность социализации и получения доступа к образовательным ресурсам.

— И все-таки давайте проясним позицию по профессиональному образованию, хотелось бы узнать ваше мнение по этому поводу. В чем суть реформы в системе НПО и СПО?

— В последнее время мы много говорим о том, что экономика требует все более сложного труда и все более качественного образования работников, но при этом не отвечаем на вопрос, что же следует изменить в системе НПО и СПО, чтобы подготовка кадров стала более качественной. Налицо разрыв: с одной стороны, все, и граждане в первую очередь, стремятся любыми средствами получить высшее образования, с другой стороны, крайне не хватает квалифицированных рабочих кадров.

Что экспертное сообщество предлагает делать в рамках модели образования? Как минимум три вещи. Первое — необходимо там, где это возможно и подтверждено потребностями рынка труда, ввести программы прикладного бакалавриата. Это полноценное высшее образование для высококвалифицированных, технологически подготовленных рабочих и специалистов. Не путать с академическим бакалавриатом, в рамках которого готовятся будущие исследователи, почти сразу намеренные продолжить учиться в магистратуре. Программы СПО так называемого повышенного уровня, реализуемые в системе образования последние несколько лет, — хороший практический задел для введения программ прикладного бакалавриата.

Второе — необходимо уже в школе предоставить возможность учащимся осваивать программы профессиональной подготовки. В какой-то степени в советское время это уже было реализовано. Достаточно вспомнить учебные комбинаты или школы, активно сотрудничающие с вузами. Сегодня важно, внедряя в рамках профильного обучения такие программы, создавать возможность зачесть полученные результаты в дальнейшем профессиональном образовании, в том числе и в высшем. Причем, успешные предприятия это уже делают. Недавно мы встречались с представителями фармацевтической компании «Новартис», на заводе которой около 600 школьников получают ту или иную профессиональную подготовку. Это выгодно предприятию, оно формирует интерес к работе уже со школьной скамьи. Некоторые сотрудники получают возможность самореализации, также побывав в статусе опытных наставников. В этом заинтересованы и ребята — они могут попробовать себя в конкретной профессиональной деятельности. К тому же проба «зачтется» как часть будущего обучения по профессии.

Отсюда вытекает и третья мера — модульная структура образовательных программ в системе профессионального образования. Если человек учится, скажем, на сварщика, то для начала практической работы не нужно ждать, пока будут освоены все способы, типы, виды и технологии сварки. Достаточно освоить то, что необходимо здесь и сейчас на конкретном производ-

стве, сертифицировать полученные квалификации, начать профессиональную карьеру. Затем можно вернуться, доучиться, «взять» те модули, которые необходимы в связи или с изменившимся профилем работы, или с обновившимися технологиями. Иными словами, модульное устройство программ в НПО и СПО — возможность гибко сочетать учебу и работу, постоянно следуя за быстро обновляющимися производственными технологиями. Кстати говоря, ряд техникумов, где модульные подходы реализовывались ранее, теперь получают заказы с рынка труда и вполне успешно выпускают квалификацию уже опытных работников, обучая их новым производственным технологиям. До 30—40% обучающихся — как раз заказ конкретных предприятий, которые помимо всего прочего готовы также поставлять новое учебное и учебно-производственное оборудование. Полторы сотни таких учреждений НПО и СПО мы поддержали за два года реализации национального проекта.

Для того чтобы все это было реализовано, необходимо также создание независимых центров сертификации квалификаций. Это когда можно прийти и подтвердить свой разряд по профессии, тут же получить рекомендацию по трудоустройству в соответствии с имеющейся квалификацией. Экзамены принимают опытные рабочие при непосредственном участии работодателей. Для выпускников учреждений начального и среднего профессионального образования это серьезный стимул хорошо учиться, осваивать навыки, востребованные производством.

— То есть начальное и среднее профессиональное образование «размывается», захватывая школьный и, очевидно, вузовский уровень?

— Да. Здесь проявляется общая тенденция построения и реализации гибких образовательных программ — когда мы создаем своего рода «мостики» между программами общего и профессионального образования, между дополнительным и основным образованием, между общим и специальным. Это один из базовых принципов современной модели образования.

— Известный ученый, экономист Лев Любимов сказал недавно в интервью, что раньше символом промышленности был сталевар с кочергой в руках, ковыряющий этой кочергой в дырке огромной печи, а теперь это человек в белом халате, сидящий в напичканной техникой аудитории и управляющий процессом производства с помощью компьютера. Получается, что если сталеваров требуется все меньше, а людей в белых халатах — все больше, некоторые техникумы должны постепенно превращаться в вузы?

— Очень любопытный пример про сталеваров. Недавно мне показывали современные технологии обработки древесины. За последние какие-то десять лет все очень сильно изменилось. Та работа, которую раньше делали 5 станков с 12 рабочими, теперь с большей интенсивностью выполняется бригадой из 6 человек, двое из которых контролируют процесс через компьютер. Причем, знаете, в чем основная проблема предприятий, организующих подобного рода производства в России? В том, как обеспечить безопасность (отсутствие посторонних лиц) и должный уровень куль-

туры высококвалифицированных рабочих. Техника дорогая, требует обслуживания и ухода. Любые поломки дорого обходятся. А дешевую ставить нет смысла — проиграешь в конкурентной борьбе, да и на низкой зарплате большого числа работников экономить бесполезно.

Что касается слияния техникумов и вузов, то этот процесс идет. Нередко проявляются негативные тенденции — на базе бывшего техникума открывают филиал вуза и начинают «штамповать» юристов и экономистов, которые потом не могут нигде трудоустроиться. Но бывает и иначе — сохраняется контингент учащихся, программы СПО, меняется только базовое юридическое лицо и появляются более квалифицированные преподаватели. Для ребят это престижнее, они де-юре учатся уже в подразделении вуза, хотя и осваивают программы среднего профобразования. Поэтому сейчас, решая, казалось бы, формальные вопросы о присоединении техникумов к вузам, мы запрашиваем от нашего агентства развернутые обоснования по перспективному количеству обучающихся и по программам, которые будут реализовываться в результате таких слияний. Если обоснования не подготовлены — присоединение конкретного техникума к вузу, даже в условиях согласия администраций этих образовательных учреждений, откладывается.

— На круглом столе выступал представитель Союза директоров учреждений СПО, который, по моим ощущениям, пребывал в состоянии шока от услышанного и в качестве оправдания приводил

данные об успешном трудоустройстве выпускников этих учреждений. Понятно, что модель «Российское образование — 2020» проектируется не столько в расчете на педагогическое сообщество, сколько на потребителей образовательных услуг. Тем не менее нужно ли чего-то опасаться тем, кто работает в системе НПО-СПО, в связи с реализацией модели?

— Опасаться вообще ничего не нужно. Тем более в такой приближенной к рынку труда системе, как система профессионального образования. Если какие-то подходы кажутся спорными, надо просто брать и собственной практикой доказывать жизнеспособность иных идей. Особенно в тех случаях, когда работодатели заинтересованы в выпускниках, предлагают им достойную работу и высокую зарплату. Если спрос есть, значит, программы конкурентоспособны, у образовательного учреждения есть свой заказчик и потребитель. А если еще и инновационные технологии используются — можно смело писать заявку на конкурс образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы, и получить весомую федеральную поддержку.

Думаю, что подобные обнадежившие перспективы есть и у образовательных учреждений иных уровней — школ, вузов, учреждений дошкольного и дополнительного образования, всех потенциальных участников создания и реализации современной модели образования.

*Беседовал **Б. СТАРЦЕВ,**
oprec.ru*